

ЯЗЫКОВОЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ НАРОДОВ: СПЕЦИФИКА ДАГЕСТАНА

Автор: М. М. МАГОМЕДХАНОВ, М.-Р. А. ИБРАГИМОВ

МАГОМЕДХАНОВ Магомедхан Магомедович - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

ИБРАГИМОВ Магомед-Расул Абдуллаевич - доцент кафедры археологии и этнологии исторического факультета Дагестанского государственного университета (E-mail: mkhan@yandex.ru)

Аннотация. В статье высказывается озабоченность современной этноязыковой ситуацией в Дагестане, осложненной результатами широкомасштабной миграции населения. Особенно проблематично положение малочисленных этносов, функционирование языков которых низведено до семейно-бытового уровня. Авторы выступают за повышение этнического и языкового статуса малочисленных народов республики.

Ключевые слова: язык • этнокультура • этноязыковая ситуация • этнокультурная идентичность • этническая ассимиляция • двуязычие • этнический и языковой статус

В современную эпоху этнокультуры все более утрачивают самодостаточность, ресурсы и способности самовосстановления. Ассимиляции культур, исчезновению малоупотребительных языков сопутствуют этнический и культурно-бытовой партикуляризм, языковой национализм, религиозно-политический экстремизм и т.п. Одни исследователи связывают эти процессы с глобальным кризисом и пытаются оказывать влияние на правительства по поводу сохранения и возрождения этнических культур. Другие полагают, что в условиях глобализации "сильные" культуры все равно "поглотят" "маломощные", а потому считают бессмысленным противиться объективно неизбежной этнической ассимиляции, которая, по их мнению, способствует кардинальному решению национального вопроса [1].

Вместе с тем сегодня все большее число социологов, этнологов придерживается позиции, согласно которой ассимиляция культур и трансформация идентичностей не являются обязательными условиями формирования и упрочения нации. По мнению С. А. Арутюнова, даже в тех обществах, которые представляют собой конгломерат ячеек (общин) бесписьменной культуры и не имеют вмещающей в культурную жизнь государственной надстройки, этноязыковые процессы протекают сложно и противоречиво, в борьбе нейтралистских и маргиналистских тенденций [2].

Современный социально-культурный облик народов России если и определяется традиционными этническими компонентами материальной и духовной культуры, семейного и общественного быта, то отнюдь не в той мере, в какой это было 100 или даже 50 лет тому назад. Этносоциологические исследования в ряде регионов показывают, что *существует реальная угроза функциональной гибели языков некоторых коренных народов России*. Разумеется, проблема эта имеет свою предысторию. В советское время она интерпретировалась в контексте идеи Ленина о прогрессивной роли естественной ассимиляции в ходе объединения пролетариев разных стран для успеха в классовой борьбе. Согласно идеологическим и теоретическим установкам на-

чала 1960-х гг. (XXII съезд КПСС), процессы интернационализации и слияние наций и народов рассматривались как исторически видимая, реальная перспектива, а исчезновение языков некоторых народов считалось вполне возможным.

В русле установок ЦК КПСС некоторые исследователи (А. Д. Даниялов, М. М. Ихиллов и др.) считали слияние народов в Дагестане прогрессивным, неизбежным явлением, а рост русско-дагестанского двуязычия рассматривали как свидетельство формирования процесса слияния дагестанских народов в особую единую нацию [3]. Речь шла, прежде всего, о "слиянии" малых по численности андо-цезских народов и арчинцев с аварцами, кайтагцев и кубачинцев с даргинцами, а также малочисленных народов лезгинской подгруппы (агулов, рутульцев, цахуров и табасаранцев) с лезгинами [4]. Однако прогнозы о быстром "формировании дагестанской нации" и "консолидации лезгинской подгруппы народов в единую этническую общность" не оправдались. Поскольку в многонациональной среде двуязычие является необходимым условием общения между народами, и для многоязычного населения Дагестана оно было традиционно, сам факт распространения русского языка как средства межнационального общения (без других аргументов) не мог быть доказательством формирования новой дагестанской нации. Более того, представляется методологически неправильным рассматривать существование языка межнационального общения в качестве доказательства наличия новой этнической общности.

Употребление родного языка является базовым условием сохранения этнокультурной идентичности, так как многие компоненты этнокультуры (устное народное творчество, народная песенная культура, национальная литература, национальный театр и т.д.) существуют благодаря его функционированию. Возникающий в связи с вытеснением родного языка из сферы культуры и бытовой речи "этнокультурный вакуум" может быть в какой-то мере восполнен такими способами актуализации этничности, как социальное самоутверждение, достижение престижных позиций в бизнесе, образовании, науке, художественном творчестве, государственной службе, спорте и т.д.

Особенность Дагестана заключается в том, что из примерно ста языков, отнесенных к языкам коренных народов России, *около трети сосредоточено в пределах данного региона*. О перспективах превращения Дагестана в "языковой заповедник" или "полигон" для лингвистических испытаний писалось много. Однако современная этноязыковая ситуация как в России в целом, так и на южных ее рубежах, на наш взгляд, не может не вызывать озабоченности. Сравнение функционирования языков народов Дагестана в двадцатые - пятидесятые годы прошлого века с современным оказывается не в пользу наших дней. То же самое можно сказать и о языках других народов Северного Кавказа, Поволжья, Севера и Сибири.

Сегодня наблюдается низведение социальных функций национальных языков до семейно-бытового уровня. Трансформация этнокультурных свойств, качеств и характеристик потенциальных и реальных носителей этих языков влияет на этническое самочувствие и самосознание значительной части россиян. Для многих из них связь собственной этничности с реально присущими им этническими свойствами и качествами, в том числе с соблюдением национальных традиций, знанием родного языка, становится, по большому счету, номинальной.

Повсеместно в России делопроизводство осуществляется только на русском языке. Школьное и дошкольное образование строится также главным образом на русском языке. Национальные языки в качестве языков начального обучения практически не используются. До недавнего времени преподаванию этих языков в качестве предмета в городских школах национальных регионов не уделялось должного внимания. Можно сказать, что к национальным языкам родители учащихся все еще относятся как к помехе в получении своими детьми достойного образования. С прагматической точки зрения такое отношение легко объяснимо. Поскольку нет профтехучилищ, средних специальных и высших учебных заведений (кроме национальных отделений филологических факультетов), в которых преподавание велось бы на национальных языках,

или для поступления в которые практиковалась бы сдача экзамена по нерусскому языку, отпадает и практический резон требовать от ребенка его изучения. Все это, казалось бы, должно в течение жизни почти трех поколений привести к функциональной гибели или существенному свертыванию родных языков указанных народов.

Однако языки их выжили, сохранились и продолжают существовать, правда, ограничены территорией селения или группы селений, внутрисемейным общением, бытовым уровнем. Отметим, что сведения о числе носителей андийских, цезских и др. языков, или, точнее, о малочисленных народах Дагестана, впервые были зафиксированы в материалах переписи населения 1926 г.; их учет велся ежегодно вплоть до проведения переписи населения 1939 г. [5]. Однако большинство малых по численности народов Дагестана не имеет самостоятельного этнического статуса. С конца 1930-х гг. в число аварцев включены 14 малочисленных народов: андийцы, арчинцы, ахвахцы, багулалы, бежтинцы, ботлихцы, гинухцы, годоберинцы, гунзибцы, дидойцы, каратинцы, тиндалы, хваршины и чамалалы, а в состав даргинцев - кайтагцы и кубачинцы и, наконец, в состав лезгин - агулы, рутулы, цахуры. Конституцией РД с 1959 г. признаны статусы только четыре малочисленных народов: агулов, горских евреев (татов), рутулов, цахуров.

Во время проведения переписей населения после 1939 г. вплоть до переписи 2002 г. численность подавляющего большинства малочисленных народов отдельно не фиксировалась, поскольку их включали в состав более крупных по численности этнических общностей. Однако они, вобрав немало элементов этнокультуры крупных народов, этнически не растворились окончательно в них; более того, представители некоторых малочисленных народов (андийцы, дидойцы, бежтинцы, ахвахцы, каратинцы и др.) многократно во время проведения переписей населения пытались получить [6] и по настоящее время продолжают добиваться получения статуса самостоятельных этносов.

Среди актуальных проблем развития малочисленных народов (обострившихся после принятия Госдумой РФ Федерального закона "О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ") особое место занимает проблема их этнического и языкового статуса, которая приобрела довольно острый характер [7]. Каждый человек вправе свободно определять свою этническую (национальную) принадлежность, изучать родной язык и культуру. Следует также признать, что каждый имеет право на восстановление своей принадлежности к исконному этносу. Окончательное решение статуса малых этносов - осознают ли они себя в качестве самостоятельных народов или как часть более крупных по численности - может быть принято только ими самими.

По Всероссийской переписи населения 2002 г. численность представителей малочисленных народов Дагестана составила (соответственно в РФ и в РД): андийцев - 21808 (21270) человек, арчинцев - 89 (7), ахвахцев - 6376 (6362), багулалов - 40 (18), бежтинцев - 6198 (6184), ботлихцев - 16 (0), гинухцев - 531 (525), годоберинцев - 39 (2), гунзибцев - 998 (972), дидойцев - 15256 (15176), каратинцев - 6052 (6019), тиндалов - 44 (33), хваршинов - 128 (107), чамалалов - 12 (3), кайтагцев - 5 (4), кубачинцев - 88 (57) человек [8]. Эти данные свидетельствуют о том, что незначительная часть представителей малых по численности народов Дагестана воспользовалась правом указать свою "первичную" этническую принадлежность. Это может означать либо то, что они не придают этому фактору значения, либо этническое сознание достаточно трансформировалось, и они инкорпорировались в состав соответствующих крупных по численности народов: аварцев и даргинцев.

Понятно, что в наши дни *культурные запросы и языковые ориентации россиян не могут замыкаться в сугубо этнических границах*. Иначе говоря, социально-культурный облик народов России много богаче структурирующих этот облик этнических компонентов. Наряду с этническими традициями, обычаями, нравственно-этическими нормами, важная роль в формировании духовного мира россиянина принадлежит художественной культуре. Если фольклор или народные формы культуры являются неотъемлемым компонентом быта традиционных обществ, то "внедрение" в их быт про-

фессиональных форм художественной культуры превращается в сложную социально-культурную и экономическую проблему. Дело в том, что у многих народов России процесс модификации и выработки на основе традиционно-народной культуры "вторичных" форм профессиональной культуры, равно как и становление новых, русско-европейских видов искусства, начались в конце XIX в. и, главным образом, в советский период. Поэтому опыт приобщения целого ряда нерусских народов к художественной культуре относительно ограничен.

Вместе с тем современные этнокультурные процессы в России отмечены тотальной модернизацией быта, проникновением *"массовой культуры"*. Россияне все чаще ассоциируют свою культурность, идентичность с обладанием престижными, символизирующими мировой стандарт элементами материальной и духовной культуры. Немало среди них и уверовавших в то, что перспективы развития национальных культур, по большому счету, исчерпаны, что препятствовать отмиранию "непотребных" национальных языков бессмысленно и т.п. На наш взгляд, такого рода представления опасны для будущего этнокультурного развития России.

Следует подчеркнуть, что этническая культура, утеря специфики которой приводит к исчезновению этноса, во многих регионах России в советский, и особенно в постсоветский, период под влиянием ряда факторов претерпела существенные изменения. Для Дагестана особое значение имело проведение *широкомасштабной переселенческой политики*. В конечном итоге она привела к тому, что народы, проживающие в равнинной части республики (кумыки, ногайцы, русские и нижне-терские казаки Кизлярщины, дербентские азербайджанцы), лишились значительной части земель на своей исконной территории, потеряли компактность проживания. В отличие от горских народов Дагестана, они не имеют теперь мононациональных районов, и в условиях, когда большинство ныне существующих, в том числе сельских, населенных пунктов стало многонациональным, возникли реальные перспективы *деэтнизации* этих народов или вынужденного оттока наиболее активной их части.

Основная причина сложившегося положения - переселение горцев на равнину ввиду аграрной перенаселенности. Оно носило вначале стихийный (если до 1918 г. на равнинных землях было создано 23 переселенческих поселка, то уже к 1922 г. - еще 57), а затем организованный характер. Переселение продолжалось и в 1930 - 1940-е гг. Новая волна этого процесса связана с восстановлением Чечено-Ингушской АССР и возвращением горцев Дагестана (выселенных в 1944 г. в Чечню) обратно в ДАССР, в основном на Кумыкскую равнину, а не в места их исконного проживания. Переселение усилилось в связи с переориентацией в 1960-е гг. сельского хозяйства республики на развитие виноградарства, требующего дополнительных трудовых ресурсов. В результате к концу 1970-х гг. было перемещено около 300 тыс. горцев. Для переселенцев на равнину было организовано 106 новых населенных пунктов. Организованное перемещение многотысячного населения с гор на равнину, образование новых населенных пунктов и особенно бурный рост численности городского населения способствовали стягиванию представителей различных народностей в переселенческие поселки и города, превратившиеся в своеобразные "котлы этнических процессов".

Дагестанцы-переселенцы попали в иную природно-климатическую среду с иным этническим окружением, другими хозяйственными и культурно-бытовыми традициями. Эти факторы, естественно, требовали изменения их образа жизни. На равнине процессы нивелировки традиционного культурно-бытового уклада и культурно-бытовой ассимиляции переселенцев стали приобретать необратимый характер. Даже традиционные для горцев скотоводство, земледелие и садоводство в условиях равнины требовали иных навыков, опыта, которые они перенимали у местного населения. С ростом хозяйственных, культурных контактов и связей, взаимопомощи, расширением сферы межнационального общения развивались интернациональные черты, свиде-

тельствующие о *процессе межэтнической интеграции населения Дагестана* [см. подробнее: 9].

Отмеченные обстоятельства способствовали формированию своеобразной "субкультуры" переселенцев, для которой характерно сочетание многих компонентов не только материальной культуры кумыков, азербайджанцев, русских и терских казаков, но и некоторых элементов духовной культуры этих равнинных народов.

Вместе с тем *масштабное переселение* значительной части горцев на равнину сломало исторически сложившуюся конфигурацию системы этнических отношений, когда каждый этнос имел свою "нишу". С переселением очень быстро обнаружились противоречия, свойственные территориально-дисперсной многоэтнической структуре: разные стартовые позиции и конкурентные условия социальной самореализации, межэтническая напряженность на почве территориальных претензий и т.д. Оно привело к существенному сокращению численности населения в горных районах, породив массу проблем для жителей равнин, поскольку проводилось без учета социально-этнических, экологических и др. последствий [см. подробнее: 10]. Главное: произошло нарушение сформировавшейся на протяжении веков системы расселения народов в пределах определенных территорий, традиционно сложившегося разделения труда между горными и равнинными районами, взаимовыгодного обмена результатами труда между жителями равнины и гор, служившего мощным фактором сохранения дагестанской солидарности [11]. Нарастание диспропорций в социально-экономическом развитии между горными и равнинными районами продолжает отрицательно сказываться на этнокультурной и языковой ситуации в РД.

В ходе миграционных процессов в отдельных муниципальных образованиях сложилось положение, когда коренные народы, проживающие на своих территориях (кумыки, ногайцы, русские и нижне-терские казаки, дербентские азербайджанцы), оказались в численном меньшинстве. В силу этого они лишились пассивного избирательного права, т.е. права граждан быть избранными главами муниципальных образований, оказывать более весомое влияние на решение вопросов этнокультурного характера, возникающих при смешанном проживании равнинного и горского населения.

Как улучшить сложившуюся языковую и этнокультурную ситуацию в Дагестане? Опасения относительно угрозы культурно-языковой (а затем и политической) дезинтеграции России как многонационального государства с русским культурным ядром не представляются убедительными, так как русский язык стремительно выходит за пределы функций межэтнического общения и становится важнейшим средством натурализации нерусского населения страны. В то же время россияне - это не только паспорт гражданина России или прописка по месту жительства. Это и языковое, культурное многообразие ее народов - несомненное богатство страны, которая гордится тем, что сохранила все народы, оказавшиеся под ее покровительством за тысячелетнюю историю. Однако отсутствие внятной политической линии государства на сохранение или, наоборот, нивелирование этнокультурного многообразия страны, создает немало коллизий и сложностей, связанных с практической реализацией конституционных прав народов. Речь идет об актуальности совершенствования соответствующей законодательной базы, о необходимости общероссийского национального проекта по практической реализации прав народов на сохранение и развитие языков и культур, о выработке программ "реанимации" этнокультур для конкретных регионов России.

Принято считать, что этноязыковые процессы развиваются по своим внутренним закономерностям, а потому ничто не может остановить объективно неизбежный ход их развития. Но не менее верно и то, что государство и общество могут не только влиять на условия и факторы динамики этноязыковых процессов, но и, как показывает опыт европейских стран, создавать комфортную социальную атмосферу функционирования и мажоритарных языков, и языков малых по численности этнических групп.

Опыт решения языковых проблем, например, в Швейцарии, особенно в части обеспечения функциональных приоритетов каждому из языков в пределах их традиционного распространения, может быть полезным и для Дагестана. Так, *повышение функционального статуса* кумыкского языка в Центральном Приморском и Северном Дагестане, лезгинского - в Южном Дагестане, азербайджанского - в Дербентском, ногайского - в Ногайском, русского - в Кизлярском и Тарумовском районах и т.д. может, как представляется, способствовать оздоровлению атмосферы межэтнических отношений в республике.

Специфика Дагестана еще и в том, что здесь сосуществуют разновеликие языки; выход из употребления некоторых из них происходит без сколько-нибудь существенного вмешательства государства и общественности, т.е. стихийно и автономно [12]. Разумеется, власть не обязана давать *культурологические* оценки того, что отдельные языки выходят из употребления или находятся в состоянии функционального кризиса. Но общественность вправе знать о *политической* оценке данного процесса, о том, пользуются ли языки малочисленных народов покровительством государства. По-видимому, бесперспективно рассчитывать на то, что интерес к национальным языкам и культурам может поддерживаться только лишь благодаря чувствам этнической солидарности. И все же, каковы бы ни были объективные факторы развития этнокультурной жизни, как бы государство ни пыталось обеспечить условия для свободного функционирования национального языка (через систему образования, учреждения культуры, СМИ и т.д.), выбор между языковой и культурной ассимиляцией и сохранением этничности остается, в конечном счете, за народом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мир языков. Обзор языков мира / Пер. с англ. и ред. *Н. С. Бадмаевой, Т. Н. Богдановой, В. И. Колодыко, Б. Э. Корнусовой*. Элиста, 2006.
2. *Арутюнов С. А.* Народные механизмы языковой традиции // Язык. Культура. Этнос. М., 1994. С. 6.
3. *Даниялов А. Д.* Советский Дагестан. М., 1960. С. 20; *Ихилев М. М.* К вопросу о национальной консолидации народов Дагестана // Советская этнография. 1965. N 6. С. 97; История Дагестана: в 4-х томах. М., 1969. Т. IV. С. 292; *Даниялов А. Д.* Строительство социализма и развитие национальных отношений в Дагестане. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1974. С. 35.
4. *Агаев А. Г.* К вопросу о теории народности. Махачкала, 1965. С. 266.
5. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. V. С. 342 - 343; ЦГА РД Ф. р. -260. Оп. 10. Д. 33. Л. 1.
6. *Ибрагимов М.-Р. А., Лугуев С. А.* Андо-цезы: вчера, сегодня, завтра // Возрождение. Махачкала, 1995. N 2. С. 80.
7. *Гамзатов Г. Г.* Предисловие // Бежтинско-русский словарь. Махачкала, 1995; *он же.* Бесписьменный, но живой, реальный // Возрождение. 1997. N 3. С. 38 - 43.
8. Национальный состав и владение языками, гражданство. Книга 1. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Том 4. М., 2004. С. 7 - 18, 58 - 59.
9. Современная культура и быт народов Дагестана. М., 1971; *Гадло А. В.* Современный быт лакцев-переселенцев // Вестник ЛГУ. 1972, N 14; *Качаев А. В.* Культура и быт переселенцев Сулакской низменности // Дагестанский этнографический сборник. Махачкала. 1974; Современные культурно-бытовые процессы в Дагестане. Махачкала, 1984; Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев. М., 1988.
10. *Османов А. И.* Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20 - 70-е годы XX в.). Махачкала, 2000.
11. Народы Дагестана / Отв. ред. *С. А. Арутюнов, А. И. Османов, Г. А. Сергеева*. М., 2002. С. 492.
12. *Добрушина Н. Р.* Язык и этничность малого народа: быть или не быть // Социол. исслед. 2008. N 11.